
Философская публицистика Н.Н. Стрхова: предпосылки (не)понимания

Е.Н. МОТОВНИКОВА

Ну, какой Стрхов полемист! <...>
Соловьёв вечно пенился, и пена
эта поднимается высоко;
Стрхов – недвижимое озеро,
но воды его глубоки.

В.В. Розанов

В статье предпринята попытка методологического анализа жанра философской публицистики. Рассматриваются публицистические работы Н.Н. Стрхова: его стиль полемики, характер аргументации, – в контексте обсуждения социально-политических проблем того времени.

The author of the article attempts a methodological analysis of the philosophical genre of journalism. She considers the journalistic work of N.N. Strakhov: his style of debate, the nature of his argumentation in the context of discussions of socio-political problems of his time.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стиль полемики, приемы аргументации, этика спора, философская публицистика, педагогическая установка, диалог.

KEY WORDS: style of polemic, techniques of argumentation, ethics of dispute, philosophical journalism, pedagogical setting, dialogue.

Николай Николаевич Стрхов (1828–1896) в ряду философов-публицистов своего времени выделяется странно противоречивой репутацией: с одной стороны, все писавшие о нем подчеркивали его стилистическую ясность и общедоступность, мастерство в разьяснении самых сложных вопросов, логическую и эстетическую стройность аргументации, свежесть взгляда на привычные вещи, а с другой стороны, те же биографы и сам Стрхов констатировали его редкостную неудачливость в журнальных полемиках, постоянные поражения, “забитость” (Флоренский), “затаптывание в грязь” (Стрхов) коллегами-оппонентами. Почему и как такое возможно? И зачем в таком случае Стрхов на

протяжении сорока лет снова и снова возвращался на эту неблагородную и неблагодарную журнальную стезю?

Публицистика и исследование (философское или научное) – жанры противоположные в своих основных характеристиках, что внятно и точно выразил в конце XIX в. литературный теоретик А.Г. Горнфельд: “Публицистика – обсуждение в печати насущных вопросов общественно-политической жизни. Вопросы эти могут быть также предметом научного исследования, но общность предмета не должна вести к смешению области науки и публицистики. Разница определяется прежде всего мотивами – практическим в публицистике и теоретическим в науке; для публицистики изучение, теория есть всегда лишь средство, ведущее к определенной цели – практическому выводу” (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона). Страхов с первых же самостоятельных печатных работ (конца 1850-х гг.) проявил себя и был замечен Ап. Григорьевым как серьезный исследователь (ученый-естественник, рецензент, позднее – философ и методолог, литературовед) и почти сразу (с 1861 г.) был втянут своими старшими товарищами из круга братьев Достоевских в бурные журнальные полемики пореформенных лет. Существует оптимистический взгляд на сочетание в личности Страхова полемиста и исследователя, его с симпатией привел в своих знаменитых “Литературных изгнанниках” ученик и почитатель Страхова В.В. Розанов: “Просматривая список произведений Н.Н. Страхова, мы удивляемся их разнообразию и колеблемся, как назвать Страхова – философом, критиком или публицистом. Он был и первым, и вторым, и третьим. Но, вникнув хотя немного в сущность его долголетней литературной деятельности, мы не станем более колебаться. Страхов прежде и главное всего – философ. Это помогло ему быть и хорошим публицистом, и выдающимся критиком. Для критики достаточно иметь известную чуткость к прекрасному и известные познания в области истории искусства. Для публициста надо иметь любовь к своему отечеству и – знать, а главное – понимать его историю. Философом надо родиться” [Розанов 1913, 429]. С этим гармоничным описанием, однако, мешают согласиться многочисленные противоречия в оценках стиля и смысла страховских полемики, а главное – их устойчиво безвыигрышный для Страхова исход.

В качестве рабочего примера для анализа удобно взять “вечную” не только для России полемическую тему межэтнических отношений, или, на языке публицистики, так называемый “национальный вопрос”. Для Страхова тема эта тоже сквозная, началась на заре его журнальной карьеры с “Рокового вопроса” о русско-польских отношениях (“Время”, 1863) и завершилась – в конце и практически до конца жизни (1888–1894 гг.) – спором по вопросу об основательности теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. В обоих случаях Страхов пережил полемическое поражение, полный провал в достижении поставленных целей. В первой публикации, в связи с польским восстанием, он хотел заставить читателя задуматься о глубоких основаниях межнациональной, межкультурной вражды, призывал позаботиться о своей русской цивилизации, о ясном проявлении лучших черт русского народа, а получил ясное проявление худших – предубеждение, нетерпимость, донос, цензурный запрет, закрытие патриотического журнала “Время”. Вышло согласно поговорке “бей своих, чтобы чужие боялись” – по недоразумению в прямом смысле этого слова и публицистической торопливости суждения авторитетных редакторов И.С. Аксакова и М.Н. Каткова¹. Глубокий и важный смысл статьи стал понятен позднее ближайшим ученикам Страхова Б.В. Никольскому и В.В. Розанову (см.: [Никольский 1896, 37, 43; Розанов 2001, 60]); сегодня постановка проблемы в “Роковом вопросе” признается актуальной для России XXI в. в работах Н.П. Ильина (см.: [Ильин 2008, 458–483]) и других философов национально-патриотического, антизападного направления, но современниками Страхова мысли, высказанные им, зачастую перетолковывались до неузнаваемости.

Во втором случае длительной, изматывающей шестилетней полемики о соотношении “все-человечества” и отдельных народов Страхов хотел защитить научную и личную репутацию своего друга Н.Я. Данилевского, а нажил легион врагов в лице всех почитателей Вл. Соловьева; он стремился показать сильные стороны объективно интересной, оригинальной теории культурно-исторических типов, а попал в ее апологеты и “обогаители” автора, что совершенно неверно; кропотливо разоблачал недобросовестные путаницы

Вл. Соловьева насчет якобы заимствований Данилевского и запутал в итоге своего преданнейшего ученика В.В. Розанова². Чуть больше удовлетворения и меньше горя Страхов испытал в этой истории благодаря только тому, что уже появились к тому времени у него внимательные читатели, понимавшие и сочувствовавшие его мысли, сам он имел много меньшие, чем в молодости, амбиции, но общепризнанный, громкий итог этого спора – страховское поражение³ и репутация неудачника.

Причины своих публицистических поражений Страхов всегда тщательно анализировал сам, писал об этом подробно в письмах, короче и сдержаннее – в печатных статьях. В первой истории с “Роковым вопросом” он сразу признал долю своей вины в недоговоренности, недосказанности, вызванных цензурными обстоятельствами, чрезмерность своей надежды на то, что умный поймет и намек, а когда разгорится общественная дискуссия, то можно будет высказаться и полнее и яснее. “Статья моя породила соблазн; она была поводом к странным перетолкованиям и сомнениям; она радовала тех, против кого собственно шла, и печалила тех, за кого стояла; понятно, что такая статья во многих отношениях заслуживала строгого осуждения... Я просто заговорил с обыкновенной доверчивостью, по которой автор предполагает, что недосказанное им восполнится пониманием читателей. Я жестоко ошибся. Мне должно было обратить внимание на то недоверие и подозрение, которое у нас господствует” [Страхов 1890, 136–137]. Из этих слов видно, что Страхов судил о своей статье вполне по законам публицистического жанра и признавал необходимость соразмерять свои просветительские задачи с настроениями аудитории. “...Я не решился коснуться начал русской народной жизни. <...> От внешности можно постепенно идти внутрь, стоит только помнить и указывать читателям всю глубину задачи” [И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка 2007, 21]. Но движение вглубь не состоялось, дискуссии не случилось вовсе, журнал с непонятной концепцией (“направлением”) был просто запрещен.

В поражении Страхова в полемике по национальному вопросу конца 1880-х – начала 1890-х гг. главную роль, по оценкам современников, сыграло полемическое мастерство и вдохновение, проявленные Вл. Соловьевым. Сошлемся на суждение известного специалиста, симпатизировавшего соловьевскому таланту и совсем не симпатизировавшего Страхову, К.В. Мочульского: “Соловьев проявил себя блестящим, остроумным и смелым публицистом. <...> У Соловьева – темперамент бойца, страстная убежденность, нравственный пафос, праведный гнев. Борьба его вдохновляет: он наносит жестокие удары и как будто любит их силой и меткостью. Его холодная беспощадность и непогрешимая ловкость производят иногда тягостное впечатление. Он действует во имя христианской любви, но в нем есть какое-то нездоровое упоение разрушением” (*Мочульский К.В.* Владимир Соловьев. Жизнь и учение – <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/09.html>). Для победы над Страховым в этом споре Соловьев пошел “на всё” – вступил в откровенно прагматический, ради больших тиражей и антиславянофильской аудитории, союз с идейно враждебным ему до тех пор “Вестником Европы”, цинично нарушил нормы академической этики и просто приличия в отношении Страхова и покойного Данилевского, чем неприятно удивил и продолжает удивлять всех, кто подробно знакомится с материалами этой полемики⁴. Как бы то ни было, возмущаясь приемами ведения спора со стороны Соловьева, несколько раз обещая себе и своему ближайшему в это время другу Л.Н. Толстому выйти из некорректной “разногласицы”, Страхов снова и снова откладывал свои любимые философско-научные темы, возвращался в публицистику и отвечал на “угорелые” выпады рассудительными и увещательными разборами очередного соловьевского “хита”. Почему и зачем он это делал?

Главный противник, с которым и за внимание и признание которого всю свою журналистскую жизнь боролся и не смог одолеть “вечный педагог”⁵ Страхов, – это читательская аудитория. На радость ей столько раз “подбитые ветром господа”, “самозванные прогрессисты, третировавшие Страхова en canaille, хотя в глубине души и сознавали свое полное ничтожество в сравнении с ним, тем не менее весьма развязно и не без успеха роняли его в глазах публики, перевирали его слова, замалчивали его труды, отпускали пошлые остроты по поводу его воззрений – словом, пользовались в борьбе с ним всеми приемами литературного шулерства и достигли своей цели. Страхов долго и долго был писателем

для немногих” [Розанов 1913, 426]. Страхов для немногих, а Соловьев для большинства; Страхов непонятен, а Соловьев понятен. Абсурдность предпочтений читательской аудитории очевидна всякому, кто раскроет для сравнения на “понятность” любые две страницы любых сочинений двух названных авторов. Такой выбор публики говорит о том, что речь здесь не идёт о понятности и понимании, речь о чем-то другом. О чем же? Скорей всего, о том самом практическом, сиюминутном мотиве публицистического жанра, который органически не выносит замедления, сомнения, раздумья, да еще не приводящего к окончательному и однозначному результату, а выводящего на новые вопросы и требующего все новых и новых умственных усилий. «Кому надо в чужом споре добираться до сути, проверять цитаты, следить за “основными точками”, к которым постоянно призывал оппонента Страхов. С 61-го и до 94-го года шел то тихий смех, то неудержимый хохот над умницей, который стоял несколькими головами выше и этих смеющихся зрителей-читателей, и большинства своих полемистов. И полемисты это знали. Нравственная добропорядочность их не удерживала, а стяжать лавры острой шуткой над медлительным противником – это кого не соблазнит. Можно сказать, приёмами спора Страхов манил противников к полемике с собою и уже непременно победе над собою» [Розанов 1902].

Б.В. Никольский, осмысляя публицистическую карьеру Страхова, пришел к еще более определенным выводам: “... Не имела ни успеха, ни убедительности его поражающая глубиной, тонкостью и остроумием журнальная полемика, так как она являлась именно критикой публицистики и ее приемов – делом бесполезным и более чем неблагоприятным. Его статьи только возбуждали против него ненависть всей периодической печати...” [Никольский 1896, 43]. Страхов понимал, но игнорировал противоречие между собственными развивающими и просветительскими, “педагогическими”, целями писания своих статей и жанровыми особенностями журнальной публицистики. Ему нужно было высказаться, поделиться своими мыслями по поводу прочитанного с другими читателями тех же книг, что и он. Что мысли эти интересные, нетривиальные, важные – это он знал сам, и это подтверждали его ближайшие друзья и знакомые, среди которых было немало авторитетных писателей, редакторов, ученых, политиков и пр. Страхов не читал лекции, а для публичных выступлений его темперамент совершенно не годился, и он вполне отдавал себе в этом отчет. Наконец, он должен был зарабатывать себе на жизнь, и у него не было другого пути, кроме как невероятным личным мужеством и терпением преодолевать разнонаправленность научно-философской и журнально-публицистической литературы и фактически наряду с Герценом, Леонтьевым, позднее присоединившимися Соловьевым, Розановым и другими многочисленными их последователями создавать в России серьезную философскую и научно-популярную массовую литературу.

Ни журналы, ни боевитые, “занозистые” журналисты, ни воспитанная ими масса читателей не были готовы к таким серьезным инновациям, и Страхов испытал вполне, “как трудно добиться в читающем обществе внимания, как всякая оригинальность и самостоятельность проводимых воззрений сопровождается враждебностью или отчужденностью остальной журналистики, в своей совокупности представляющей непреодолимую силу, способную как дать распространение самым пустым мыслям, так и задавить идею, самую высокую и плодотворную” [Розанов 1913, 57]. У Страхова не было никаких иллюзий насчет качеств ума, интеллекта, чувств и вкусов “так называемых образованных людей”. Он писал в письме Аксакову по свежим следам своего первого громкого поражения: “...Заклание было неотвратимо; я вооружил против себя божество – *общественное мнение*... Этот идол не следит за литературой, не умеет отвечать и спорить, а способен только к *негодованию* и *возгласам*, которые ничего не доказывают, способен *выходить из себя*, и то, *когда подтолкнут другие*, и тогда бьет своею палицей, не разбирая кого и за что” [И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка 2007, 30–31]. И через двадцать лет опыта демократических реформ и относительной свободы печати, после чрезвычайного события – убийства царя – Страхов также мало видел поводов для уважения общественного мнения: “Если бы Вы знали, что я чувствую тут, слушая нынешние речи и рассуждения, следя за чувствами и поведением милых моих петербуржцев! Одна уже привычка к болтовне, принимаемой за дело, одни уже непрерывные умничанья, не содержащие капли ума,

могут привести в неистовство всякого сколько-нибудь серьёзного человека” [Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым 1914, 276].

Именно для таких, какими они были, читателей собирал Страхов всю свою волю, ум, талант, чтобы снова и снова разъяснять и прояснять, бороться с невежеством и легкомыслием, не потакать дурным привычкам и наклонностям, а воздействовать на сознание логикой и правдой. В жесточайшей, до разрыва личных отношений, полемике с Соловьевым Страхов не отступал от корректных приемов борьбы, не хотел вслед за грубым оппонентом злословить, следовать общественному праздному, нечистому любопытству, он учил и воспитывал: «Боюсь, что моя статья не вполне Вас удовлетворит. Вопрос о самом Соловьеве, интересный для Вас и, конечно, для многих, я оставил совершенно в стороне. Я разбил в прах только его статью... Я ограничил задачу “наинужнейшим”, как мне показалось» [Розанов 2001, 13]⁶. Такая стоическая педагогическая позиция в публицистике давалась Страхову совсем не легко. “Мне часто бывает очень грустно, когда подумаю, в каком фальшивом положении я стою. Когда я говорю против Дарвина, то думают, что я стою за катехизис; когда против нигилизма, то считают меня защитником государства и существующего в нем порядка; если говорю против вредного влияния Европы, то думают, что я сторонник цензуры и всякого обскурантизма и т.д. О, Боже мой, как это тяжело! А что же делать? Иногда приходит на мысль, что лучше бы молчать, – и не раз я молчал, чтобы не прибавлять силы тому, чему не следует. Я изворачиваюсь и изгибаюсь, сколько могу. <...> Как быть, как писать, когда кругом непобедимый фанатизм, и когда всякое доброе начало отразилось в людских понятиях в дикой и односторонней форме? И разве я один в таком положении? Все серьёзные люди терпят ту же беду и часто принуждены молчать” [Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым 1914, 404].

Трудно сказать, насколько помогал Страхову выдерживать борьбу с окружающим фанатизмом пример других серьезных людей, но можно сказать точно, что он поступал в соответствии с совестью и призванием, с собственным личностным строем. Несмотря на то что Страхов неоднократно говорил о своем неудовольствии публицистикой, что не раз удалялся от журналистики, и с его слов Никольский вполне ответственно писал, что “Страхов пришел к журнальной деятельности случайно и вступил на ее арену весьма неохотно... Удерживала же его на журналистском пути чисто денежная необходимость и невозможность иначе устроиться...” [Никольский 1896, 41], – несмотря на все эти справедливые констатации, в них только половина правды. Другая же половина состоит в том, что, очевидно, Страхов экзистенциально не мог уже не писать своих статей, как только он узнал на собственном опыте, что такое литературный успех и признание, понял, что у него есть свои читатели-единомышленники, пусть и немногочисленные. Он не мог, будучи убежденным патриотом-почвенником, не вступить со своим серьезным словом в разговор о русско-польских отношениях: “...Статья эта вытекала из чистого движения патриотического чувства; и – вот вам ручательство за мою искренность – я не имею и надеюсь никогда не иметь причин отказаться хотя бы от одной ее строчки” [И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка 2007, 18–19]. И через двадцать семь лет пожилой Страхов помнил: “Польский вопрос я почувствовал *сердцем* – ведь во мне боль говорила” [Розанов 2001, 70].

Философу-созерцателю Н.Н. Страхову всегда были интересны и жизнь, и взгляды различных людей на жизнь, и природа заблуждений, так ярко проявляющихся в полемиках, он анализировал их, в том числе как предметные поводы для психологии и философии познания: “Нет ничего интереснее, как исследование заблуждений, ибо оно ведёт к познанию самой глубокой стороны человеческого существа. Если человек противоречит логике, действует вопреки ясной несомненности, то его вынуждает к этому, очевидно, какая-нибудь важная, непобедимая потребность. <...> Предрассудки и заблуждения – это какое-то творчество, постоянно живое в душе человека, имеющее корни в самом его существе” [Страхов 1887, VI–VII]. Подчеркнуто объективный и сдержанный в статьях, равнозаинтересованный в предмете обсуждения, Страхов постоянно в письмах признавался, какие темы его “взбудоражили”, а о чем писать “скучно” и не хочется, но надо. И если уже чувствовал, что надо, то бессильны были даже советы и предостережения мудрого

друга Л.Н. Толстого, всячески уговаривавшего не отвечать Соловьеву. “Меня не Соловьев трогает, хотя он стал и писать и вести себя пренебрежно, – а мне важны читатели. <...> Для массы читателей, Вы увидите, мои объяснения очень важны. Сказать по правде, мне очень тяжело так долго хлопотать о Данилевском, но так выходит, что нельзя бросить дела” [Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым 1914, 414]. “Между тем действует и Вл. Соловьев. Он выпустил *Национальный вопрос*... Мне, по всем литературным расчетам и правилам, непременно следовало бы отвечать на его книгу, написать несколько страниц хотя самых общих рассуждений. Как оставить без внимания книгу, расходящуюся в трех изданиях? Кому и писать об ней, как не мне? А мне страх не хочется” [Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки 2003, 876–877].

Страхов, если можно так сказать, считал участие в полемике прежде всего своим “профессиональным” долгом, способом всестороннего освещения некоего общезначимого вопроса, а не способом удовлетворения тщеславия⁷. “Полемика, спор, есть прежде всего разговор, диалектика. <...> Если нужно выяснить какое-нибудь положение, то очень удобно делать это посредством полемики” [Страхов 1887, VII–VIII]. “Как скоро взгляды расходятся, борьба между ними неизбежна, и служит ко взаимному уяснению” [Страхов 1861]⁸. Этот общий смысл полемики дополняется личным, специфическим страховским бесстрашным интересом, который более всего вызывает удивление и восхищение, поскольку требует огромного самообладания и мужества: «...Для меня противоречие есть уяснение моей собственной мысли, и только одно может меня рассердить: “перестанем говорить”, “знать не хочу” и тому подобное» [Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому 1901, т. 271, 463]⁹.

В страховской “несчастной и неудачной критике, вовсе никому в своё время не нужной” [Розанов 1902], мы только теперь и смогли, пусть через век с лишним, по достоинству оценить уровень мысли, глубину страховского “озера” (Розанов), точность и важность не понятых современниками страховских “постановок”. Значит, надо было вмешиваться и терпеть хулу, и спорить ради истины в одиночку, не присоединяясь к “лагерям”, “направлениям” и “знаменам”.

Страхов терпел “русское невежество, русское легкомыслие, отчаянное русское недоброжелательство и злоречие” [Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым 1914, 447] коллег-публицистов, противопоставляя этому удручающему невежеству “вечные истины” правильного спора, какими бы утопичными они не казались. Еще в 1861 г. начинающий публицист Н. Косица запретил себе унывать и жаловаться на грубость оппонентов: “Жалоба всегда есть причина некоторой слабости, некоторого упадка духа. А уныние совсем нейдет к нам, русским людям. <...> Нужно делать, нужно работать, а иначе – горе *только* сетующим и плачущим! <...> Если люди не умеют быть довольными в литературном мире, то спрашивается, где же в другой сфере они могут ожидать счастья? Потому что ведь литературный мир есть лучший изо всех миров, какие есть в подсолнечной. <...> В нем заслуги никогда не теряются, а все дурное гибнет непременно” [Страхов 1861].

В отношении самой формы ведения публицистических споров Страхов занимал ту же педагогическую, просветительскую позицию: “Причина для нашей полемики есть, и притом она есть истинно человеческая причина, то есть состоит в идеях, в убеждениях. Следовательно, сущность полемики хорошая, только форма не соответствует этой сущности, форма – дурная, фальшивая, бесплодная” [Там же]. Находя полемику идейную совершенно необходимой для развития самих идей, Страхов не мог признать необходимыми формальные “дурные” характеристики публицистики, составляющие ее специфические жанровые особенности (если согласиться с литературоведческой теорией и практикой российской журналистики): “Полемицируя с противником, она, по необходимости, видит в нем не столько заблуждающегося теоретика, сколько носителя и защитника вредных воззрений, распространение и утверждение которых пагубно для общества; на этой почве легок переход от воззрений противника к его личности...” (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона). Страхов считал неправильным, что “принцип понимания совершенно чужд нашей полемике”, что “каждый хлопочет всеми средствами превратить своего противника из человека способного сказать что-нибудь разумное, в глупца, способного

произносить только одни бессвязные слова” [Страхов 1861]. В статье “Нечто о полемике” 1861 г. автор учил своих читателей строго различать полемику идей и взглядов от полемики лиц, кружков и направлений. В этой статье Страхов задал себе на всю жизнь критерии оценки публицистических работ, которыми он действительно руководствовался. “Истинная полемика есть прогресс, движение мысли вперед” [Там же], но это трудное дело, требующее понимания, чтобы адекватно судить о мысли оппонента, объяснить её, развить её последствия. Фактически Страхов описывает здесь популярно и вкратце основы герменевтической процедуры и предупреждает, что “полемика такого рода есть истинная драгоценность, и значительные образцы ее только изредка встречаются в самых развитых литературах” [Там же]. Так, поверив в талант Вл. Соловьева, Страхов вполне серьезно отнесся вначале к его нападкам на концепцию Данилевского и всерьез разбирал его аргументы, пока не понял, что Соловьев не собирается полемизировать по существу дела. “Однако же, он довольно бесплодный писатель, чего я не ожидал, – писал Страхов Толстому. – Мысль у него не развивается, и он в каждой статье повторяет все те же аргументы, – меня удивляет, как он всегда умеет их приплести, – а дело не подвигается ни на шаг. <...> Он не отвечает ни слова... да и говорит, что ему никто не отвечает на его возражения, и т. п. В дурные минуты я даже завидую этому апломбу, и на глаза многих я побит совершенно” [Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки 2003, 847].

Способствовать правильному, полемически-продуктивному развитию русской литературной критики, философии, науки Страхов считал своим главным делом, а потому сильно страдал от сознания своей публицистической слабости, полемической вялости, медлительности, отсутствия таланта проповедника, недостатка воодушевленности, “энергизма души”, “тарана, которым писатель режет воду, а при столкновении топит неприятельский корабль” [Розанов 1902]. Когда он признавался в очередной раз, “конечно, я сам виноват, что не имею силы принудить людей слушать меня и уважать мои мысли...” [Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому 1901, т. 272, 127], в этом не было ни грана кокетства, притворства или игры. Писал он это человеку, о котором за тринадцать лет до письма в рядовом обзоре текущей литературы высказывался весьма прозорливо, определенно причисляя его к тем, кто составил настоящее развитие русской мысли: “Н.Я. Данилевский есть, действительно, писатель дерзкий мыслью, смелый умом; он касается вопросов величайшей важности и величайшей трудности” [Страхов 1898, 239]¹⁰. “Резкие суждения сами по себе есть вещь прекрасная и бывают дурны только тогда, когда они тупы и неосновательны. <...> Когда же умные люди произносят резкие суждения и делают смелые общие приговоры, то признаюсь, мне всегда приятно читать и слушать” [Там же, 236–237]. Эстетические категории, в которых выражена оценка, означают у Страхова высшую форму похвалы. “Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию” [Померанц 2003, 171–178]¹¹. Страхов был полемист цивилизованный, как мало кто или вовсе никто из его оппонентов. В этом момент относительной правоты подозревавших Страхова в скрытом западничестве. Страхов был поразительно, до невероятности объективен и бескорыстен в полемиках. Он всегда допускал возможность своей или чужой ошибки, недосмотра и потому дисциплинировал свою поэтическую творческую мысль строгими рамками метода, смолоду отучил себя от “легкого движения мыслей”, “отделался от него тем, что стал искать опор в известных и неизвестных писателях” [Розанов 2001, 12]. Страхов заземлял и развивал мысль, а не ловил ее из воздуха; сам он называл это – рассуждать о предмете “с подобающей скромностью и смелостью”, причем “скромность состоит в том, чтобы показывать ясно основания своих суждений, а смелость в том, чтобы судить о предметах самостоятельно, как бы важны они ни были” [Страхов 1900, 58]. При этом Страхов стоял за разговор, за диалог: “В настоящем споре, как и в настоящем разговоре, люди говорят не для себя и не для посторонних слушателей, а друг для друга, следовательно, стараются понимать друг друга, отыскивают для себя некоторый общий интерес, общую почву и опору для своих рассуждений. <...> Все силы противников устремлены на это определение, потому что тот из них и побеждает, кто окажется вернее этой опоре” [Страхов 1887, VII]. Страхов даже для своего времени был старомодно

строг и консервативен в понимании природы и предназначении публицистики и полемик. Не у каждого – своя правда, а каждый в чем-то прав, каждый по-своему причастен большой общей правде. Главное, если не единственное оправдание полемики: взаимный интерес, тяга противоположностей “с чуткостью, которая возбуждается противоположными убеждениями” [Страхов 1900, 61], их столкновение для взаимного обогащения и продвижения каждого в собственном развитии, в знании жизни и себя. В.В. Розанов еще при жизни Страхова писал о нем: “...Почему именно он так не похож на всех других, что сообщает ему такое своеобразие? Цельного мировоззрения он не дает, никакой яркой идеи не высказал и не утвердил, – и даже ни на один вопрос не ответил ясно и отчетливо, окончательно. <...> Он не столько разрешает наши вопросы, сколько научает нас серьезно искать их разрешения...” [Розанов 1913, 63–64]. “Истинный критик, он ничего не проповедует, кроме справедливости к предметам своих разборов. <...> Публицистическое значение и влияние такой критики, свободы пред всякими авторитетами, иначе сказать – к возбуждению умственной независимости, свободы пред лицом западной культуры” [Никольский 1896, 47].

Перфекционизм Страхова заставляет “вспомнить о будущем” – о Витгенштейне, который тоже очень определенно, предельно точно и ясно старался писать и говорить, при этом всегда его “знамя” оставалось не проясненным до конца – чего он в конце концов хочет? Абсолютно понятно только то, что понятно заранее, т.е. не нуждается в усилии понимания. Все остальное – риск и гарантированные неприятности при сомнительных шансах быть услышанным хоть кем-то. Вопрос о смысле высказывания “друг для друга” или, как стали говорить уже после Страхова, для другого – вопрос диалогической решимости. Именно такой решимостью Страхов обладал. Вместе с возвращением его текстов приходит время обратиться к страховским аргументам в обсуждении его ведущих тем, актуальных и для нас – философии и ее истории, философии науки и образования, отношений России и Запада... Время по-страховски сосредоточенно, “с подобающей скромностью и смелостью” помыслить основания наших многочисленных концепций и моделей и без предубеждений цивилизованно обсудить их основательность.

ЛИТЕРАТУРА

И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка 2007 – И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка. Группа славянских исследований при Оттавском университете и ИМЛИ им. А.М. Горького РАН – Оттава. Квебек, 2007.

Ильин 2008 – *Ильин Н.П.* Трагедия русской философии. М.: Айрис-пресс, 2008.

Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки 2003 – Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки. В 2 т. Т. 2. М.: Государственный музей Л.Н. Толстого; Ottawa, 2003.

Левицкий 1958 – *Левицкий С.А.* Н.Н. Страхов (Очерк его философского пути) // Новый журнал. 1958. № 54. С. 164–185.

Никольский 1896 – *Никольский Б.В.* Н.Н. Страхов, критико-биографический очерк. СПб., 1896.

Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым 1914 – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. СПб.: Изд. Об-ва Толст. музея, 1914.

Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому 1901 – Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому // Русский Вестник. 1901. Т. 271–272.

Померанц 2003 – *Померанц Г.С.* Догматы полемики и этнический мир // Звезда. 2003. № 6. С. 171–178.

Розанов 1902 – *Розанов В.В.* К литературной деятельности Страхова // Новое время. 1902. 22 августа. № 99.

Розанов 1913 – *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Т. I. СПб., 1913.

Розанов 2001 – *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001.

Страхов 1861 – *Страхов Н.Н.* Нечто о полемике (Письмо в редакцию “Времени”) // Время. 1861. № 8. С. 69–78.

Страхов 1887 – *Страхов Н.Н.* О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). СПб., 1887.

Страхов 1890 – *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. 2. СПб., 1890.

Страхов 1898 – *Страхов Н.Н.* Свобода от авторитетов / Разборы книг. 1870 / Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3. Киев, 1898. С. 233–240.

Страхов 1900 – *Страхов Н.Н.* О методе естественных наук и значении их в общем образовании. Киев: Изд. И.П. Матченко, 1900.

Фатеев 2010 – *Фатеев В.А.* Н.Н. Страхов и В.С. Соловьев: к истории полемики // Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания. СПб., Алетейя, 2010. С. 153–173.

Примечания

¹ Н.Н. Страхов – И.С. Аксакову 7 июня 1863 г.: “Статья моя патриотическая. Прочтите ее еще раз; не подозревайте везде поляков да космополитов и Вы убедитесь сами в народном смысле статьи. <...> Я требую от Вас только внимания; я прошу Вас только на минуту отложить предубеждения, и Вы увидите, как мало я заслужил страшное недоразумение” [И.С. Аксаков – Н.Н. Страхов: Переписка 2007, 11].

² Розанов, желая придать точке зрения Данилевского дополнительную весомость за счет сближения ее с исторически авторитетными идеями, написал буквально то, что совпало с основным тезисом Соловьева, а именно, что “не *открытие*, не *изобретение* он сделал, приоритет которого мог бы бояться потерять” [Розанов 1913, 109]. “Розанов огорчил меня выше меры, хотя я не могу на него сердиться, – до того это наивно и по-ребячески пишется, – писал Страхов в этой связи Толстому. – Я думаю – как торжествует Соловьев! То-то ему радость!” [Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки 2003, 953–954].

³ С.А. Левицкий дал самую “высокую” для Страхова оценку из лагеря последователей Вл. Соловьева: “По существу, спор между обоими философами закончился вничью” [Левицкий 1958, 175].

⁴ Из последних известных нам работ отметим статью В.А. Фатеева, который особое внимание уделил нравственно-этической стороне полемики Соловьева против Страхова и не скрывает своего разочарования в личности “великого” Соловьева (см.: [Фатеев 2010, 153–173]).

⁵ «Действительно, Страхов – *вечный педагог*. <...> Страхов вечно болел о читателе, о путанице в уме его и о притуплении в русских читателях нравственных и всяческих вкусов... Это же было и одной из причин его неуспеха. “Ах, этот старик вечно учит!...” <...> *Примечание 1913 года*» [Розанов 2001, 67].

⁶ См. там же комментарий Розанова о количественном давлении общественного мнения: «Почти не нужно договаривать, что в споре *шум* победы был на стороне Соловьева, а *истина* победы была на стороне Страхова. <...> Страхов был измучен и угнетен этою полемикой, зная хорошо, что его “читать не будут”, а Соловьева будут “читать и аплодировать” подписчики Стасюлевича, т.е. вся (условно) образованная Россия. *Примечание 1913 года*» [Розанов 2001, 13].

⁷ “...У меня большое честолюбие – мне хочется что-нибудь значить для *лучших умов* своего народа” [Розанов 2001, 52].

⁸ То же – http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0240oldorfo.shtml

⁹ Перед этими словами в письме идет дружески-шутливое “воспитание” адресата: “Вы, наконец, сознались в вашем недостатке, что не в силах читать того, что несогласно с вашими мыслями, старайтесь исправиться, дорогой Николай Яковлевич” [Там же].

¹⁰ Неспроста “Дарвинизм” Н.Я. Данилевского ни разу не был переиздан с 1885 г. и до сих пор отсутствует в Интернете в полном виде.

¹¹ То же – <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/6/pomer.html>